

И. Тимощенко

**Борьба с земельным
хищничеством: бытовые
очерки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. Тимощенко**
Борьба с земельным хищничеством: бытовые очерки / И. Тимощенко – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 230 с.

ISBN 978-5-518-01255-4

ISBN 978-5-518-01255-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

выдать дочь за генерала и вообще жить, создавъ склеенную деньгами жизнь.

«Такая удивительная по своей крайней своеобразности и типичности семья и могла развиваться совершенно свободно, распуститься въ полномъ цвѣтѣ именно только въ той забытой, всѣми заброшенной сторонѣ, какъ безграничная калмыцкая степь. Ничего мы подобнаго уже не найдемъ въ Россіи, особенно во внутреннихъ губерніяхъ; но это вовсе не значитъ, чтобы въ средѣ обездоленнаго крестьянства пропала самая идея о крестьянствѣ необездоленномъ, о томъ какое крестьянство должно быть *по настоящему*, ежели-бы земельки, ежели-бы то и то. Но то, что не изсякло и никогда не изсякнетъ въ мечтаніяхъ нашего захудалого мужика,—то г. Тимощенкову удалось видѣть на яву, на дѣлѣ, въ полномъ разцвѣтѣ и осуществленіи. Читатель, интересующійся строемъ народной жизни, непремѣнно долженъ обратить вниманіе на прекраснѣйшее произведеніе г. Тимощенкова»...

Вотъ какъ отозвался объ очеркахъ г. Тимощенкова такой знатокъ народной жизни, съ компетентностью котораго въ этомъ отношеніи врядъ-ли кого-либо изъ пишущихъ нынѣ можно поставить рядомъ. При всемъ томъ нашлись скептики, которымъ не понравилось внесеніе художественнаго элемента въ этнографическіе, испещренные статистическими цифрами, статьи и которые, какъ это ни странно, въ своемъ скептицизмѣ опираются главнымъ образомъ на своихъ антиподовъ, людей до такой степени легковѣрныхъ, что, прочитавши очерки г. Тимощенкова, они отравились, въ погонѣ за идеальными личностями, въ калмыцкія степи отыскивать тамъ героевъ, изображенныхъ г. Тимощенковымъ, чтобы пристать къ нимъ и вмѣстѣ съ ними бороться съ земельнымъ хищничествомъ,—ну и конечно никакихъ такихъ героевъ не нашли. Но во первыхъ мы не понимаемъ, почему художественный элементъ можетъ мѣшать этнографіи. Намъ кажется наоборотъ: онъ приноситъ ей неоспоримую услугу, такъ какъ предоставляетъ читателямъ знакомиться съ изображаемыми нравами наглядно, въ рядѣ яркихъ, художественныхъ картинъ, и очерки г. Тимощенкова лишь выиграли-бы, если-бы онъ придалъ имъ вполне беллетристическую форму.—А во вторыхъ, мы не понимаемъ, почему въ этнографическихъ очеркахъ должны выводиться непремѣнно подлинныя лица съ точнымъ обозначеніемъ ихъ именъ и адресовъ? Почему этнографъ-художникъ не имѣетъ права выводить собирательные типы, въ которыхъ, какъ въ фокусѣ, изображались-бы туземные нравы, можетъ быть гораздо интенсивнѣе, чѣмъ въ дѣйствительности, но тѣмъ рельефнѣе, нагляднѣе и поучительнѣе. Неужели изъ того, что въ исторіи Малороссіи вы не найдете того самаго Тараса Бульбу, котораго изобразилъ Гоголь, безсмертная поэма

его терять значеніе исторической картины, знакомящей васъ съ жизнью и нравами Запорожской Сѣчи XVI и XVII столѣтій?..

Мы готовы допустить даже и болѣе: именно, что личности, изображенныя г. Тимошенковымъ, въ родѣ Волги и Браги, представляютъ собою олицетвореніе не того, что существуетъ въ дѣйствительности, а лишь того, что можетъ и должно существовать въ предѣлахъ возможности и въ условіяхъ жизни южныхъ степей,—однимъ словомъ, что это чистыя созданія фантазіи г. Тимошенкова. Но и въ такомъ случаѣ, подобныя фантастическія изображенія не только не теряютъ своего значенія, а напротивъ того дѣлаются еще поучительнѣе: они открываютъ передъ нами новую программу дѣятельности среди народа на общую пользу, ставятъ новыя, весьма широкіе и вполне практическіе идеалы, призывая людей мало мальски живыхъ, энергическихъ и сильныхъ къ осуществленію ихъ. Такъ именно и понялъ статьи г. Тимошенкова Гл. Ив. Успенскій, такъ надѣмся, поймутъ ихъ и всѣ непредубѣжденные люди съ мало мальски свѣтлой головой.

А. Снабичевскій.

I.

ОБЩАЯ КАРТИНА ХОЗЯЙСТВА.

По всеобщему теперь убѣжденію, ни одна полоса Россіи не можетъ похвалиться хорошимъ состояніемъ сельскаго хозяйства и сельской промышленности. Почти повсемѣстно землевладѣльцы стѣснены или недостаткомъ земли, или дурнымъ ея качествомъ и неплодородіемъ отъ постоянныхъ перепашекъ; между тѣмъ казенныя земли, гдѣ такія есть, и земли частныхъ владѣльцевъ, чрезъ отдачу въ аренду, попадаютъ не въ руки нуждающихся въ землѣ, бѣдныхъ и ктому-же еще недружныхъ между собою сельскихъ обществъ, а въ руки отдѣльныхъ болѣе или менѣе богатыхъ лицъ, имѣющихъ возможность дать залогомъ. Почти повсемѣстно помѣщики, которымъ слѣдовало бы взяться за умъ и показать примѣръ разумнаго веденія хозяйства, бѣгутъ изъ своихъ усадебъ, вслѣдствіе неумѣнья хозяйничать и недостатка капитала; имѣнія же свои они или продаютъ, или отдаютъ въ аренду, въ полное распоряженіе арендатора, безъ всякихъ условій относительно пользованія землею и обращенія съ нею. Сдаютъ помѣщики землю часто съ большою скидкою противъ дѣйствительной стоимости, но съ условіемъ, чтобы деньги уплачивались за годъ впередъ. Многіе закладываютъ имѣнія въ банки и, непродумавъ употребивъ

деньги, не платятъ процентовъ; вслѣдствіе этого, ежегодно въ каждой губерніи тысячи большихъ и малыхъ имѣній продаются съ аукціона. При такомъ ходѣ дѣлъ нельзя глубоко не задуматься: что же будетъ дальше, — какъ сформируется на Руси землевладѣльческой и земледѣльческой бытъ?

Но нигдѣ, кажется, въ Россіи экономической и сельско-хозяйственный бытъ не представляетъ такой шаткости и не грозитъ въ недалекомъ будущемъ такими бѣдами мѣстному населенію, какъ на юго-востокѣ Европейской Россіи. Сюда можно причислить области Донскую, Кубанскую, губерніи Ставропольскую, Астраханскую и смежныя съ ними. Эти обширныя провинціи — по преимуществу пастбищныя и хлѣбопахатныя. Владѣя большими незастроенными степями, онѣ представляютъ всѣ удобства какъ для хлѣбныхъ запашекъ, такъ и для пастыбы скота. Встрѣчаются и здѣсь мѣста возвышенныя, грунтъ земли солонцоватый или состоящій изъ тощаго суглинка („бурой земли, горячей“, какъ говорятъ крестьяне), гдѣ растительность очень бѣдна; но такихъ мѣстъ сравнительно не много; большею же частью, мѣстности здѣсь ровныя, прорѣзанныя въ разныхъ направленіяхъ буераками, логами и впадинами, съ жирнымъ, образовавшимся изъ перегнившихъ растений, плодороднымъ черноземомъ.

Нельзя сказать, что сельское хозяйство въ этихъ мѣстностяхъ находится въ застоѣ: напротивъ, оно тутъ въ полномъ ходу, но только идетъ не въ томъ направленіи, какъ слѣдуетъ. Близость черноморскихъ портовъ и проведенныя сюда въ послѣдніе годы линіи желѣзныхъ дорогъ возбуждаютъ довольно значительную дѣятельность. Въ лѣтнее рабочее время являются сюда изъ внутреннихъ губерній Россіи сотни тысячъ рабочаго люда; во

многихъ мѣстахъ степей можно слышать свистъ паровыхъ молотилокъ, грохотъ и лязгъ косильныхъ и жатвенныхъ машинъ; вездѣ пасутся табуны лошадей, стада овецъ, гурты скота. Отсюда вывозится иногда въ портовые города (Таганрогъ, Петербургъ и др.) по 15—20 тысячъ четвертей,—не скупныхъ, а однопосѣвныхъ, отъ одного хозяина,—льнаго сѣмени, пшеницы и другихъ хлѣбовъ. Но—увы!—не приходится радоваться этому кажущемуся оживленію промышленности. Тутъ нѣтъ даже и намека на нормальное развитіе сельскаго хозяйства, правильную эксплуатацію земли; почти повсемѣстно царитъ возмутительное, грубое насилуваніе земли, совершается азартный разбойническій грабежъ цѣлинныхъ еще кое-гдѣ, дѣвственныхъ степей. Во многихъ мѣстахъ попало все въ руки арендаторовъ. Люди эти—большею частью пріѣхавшіе издалека купцы, капиталисты-горожане, даже иностранцы разныхъ націй. Захватывая огромныя количества земли (есть лица, арендующія въ разныхъ мѣстахъ, большими и меньшими участками, по 700 и 800 тысячъ десятинъ, при чемъ ими распахивается ежегодно по 20—30 тысячъ десятинъ), они оттираютъ отъ хозяйства мелкихъ землевладѣльцевъ, казаковъ и крестьянъ, окончательно истощаютъ землю непрерывною неэкономическою распашкою, тѣснятъ, давятъ всѣхъ на каждомъ шагу и, наконецъ, удаляются, наживъ громадные капиталы. Такими спекулянтамъ-арендаторамъ нѣтъ дѣла до нужды края и арендуемой ими земли: ихъ цѣль—извлечь изъ земли какъ можно больше выгодъ, продержатъ ее такой срокъ, какой необходимъ, чтобы высосать изъ нея все плодородіе,—и затѣмъ земля возвращается прежнему ея владѣльцу истощенною, потерявшею всякую цѣнность на много десятковъ лѣтъ. Земля же здѣсь такого сорта, что

истощившись, обращается въ совершенную золу и, безъ искусственнаго орошенія, ей нельзя возвратитъ плодородія никакимъ удобреніемъ. А гдѣ взять бѣдному населенію капиталовъ для устройства искусственнаго орошенія, такъ дорого стоящаго?

Дѣло сельскаго хозяйства здѣсь такъ извратилось, что въ иныхъ мѣстахъ настоящіе сельскіе хозяева—т. е. крестьяне—вовсе перестаютъ хозяйствовать. Купцы-арендаторы, при наймѣ у нихъ крестьянами земли подесятинно, дѣлаютъ стачку и возвышаютъ арендную плату до 10—12 руб. за десятину, тогда какъ сами платятъ владельцу за ту-же землю по 1—2 руб. При этомъ крестьянамъ отдается земля, истощенная собственнымъ посѣвомъ, такъ что крестьянинъ, платя очень дорого за землю, получаетъ съ нея крайне плохой сборъ въ качественномъ и количественномъ отношеніи. Въ результатѣ оказывается, что крестьянамъ несравненно выгоднѣе идти въ наемъ къ купцу, пахать ему землю своими волами и убирать его хлѣбъ, т. е. быть зависимыми, какъ-бы крѣпостными купца, чѣмъ хозяйничать за свой страхъ въ явный убытокъ. Такъ въ иныхъ мѣстахъ и дѣлаютъ почти поголовно большія слободы и села крестьянъ.

Люди пришлые, налетѣвшіе подобно саранчѣ и имѣющіе въ виду лишь одно—какъ бы скорѣе нажитъ и уѣхать, недружелюбно, даже враждебно относятся къ мѣстному населенію. Нѣтъ числа и мѣры тѣмъ прижимкамъ, какія приходится переносить крестьянамъ и землевладѣльцамъ-помѣщикамъ отъ этихъ откупщиковъ земель. Если рѣка, напр., служитъ границей между крестьянскимъ надѣломъ и землею откупщика и крестьянская утка, плавая по рѣкѣ, только ступить ногою на берегъ откупщика, — неминуемо взимается штрафъ за

потраву, часто превышающей цѣнность самой утки. И это дѣлается при обширности земельныхъ довольствій и всякихъ угодій! Всѣ откупщики въ известной мѣстности дѣйствуютъ дружно, сплоченною массой, и пользуются всѣми способами наживы. Не хватаетъ у землевладѣльцевъ денегъ,—откупщики дѣлаютъ стачку и скупаютъ у нихъ хлѣбъ еще среди лѣта, когда онъ на корню, по такой цѣнѣ, какую захотятъ назначить. Нужны землевладѣльцу деньги для окончанія полевыхъ работъ,—и ему приходится продавать зерно за безцѣнокъ. Льняное сѣмя, напр., идетъ иногда по 3 руб. за четверть, когда рыночная цѣна ему 17 руб. Безденежному землевладѣльцу, хотя онъ часто и крупный, нѣтъ никакой возможности конкурировать съ сосѣдомъ-купцомъ. Откупщикъ всегда при деньгахъ и имѣетъ возможность заводить машины, замѣняющія рабочія руки, цѣлыми толпами вербовать рабочихъ во внутреннихъ, густо населенныхъ губерніяхъ Россіи и проч.

Нужно добавить еще, что самая форма землевладѣнія здѣсь какъ нельзя болѣе способствуетъ развитію крупнаго земледѣльческаго арендаторства. Здѣсь земли четырехъ разрядовъ: во-первыхъ, принадлежація крестьянскимъ, казачьимъ и калмыцкимъ обществамъ и находящіяся въ общинномъ ихъ владѣніи; во-вторыхъ, помѣщичьи, данныя имъ на число душъ, бывшихъ у нихъ при крѣпостномъ правѣ крестьянъ; въ третьихъ, частныхъ мелкихъ и крупныхъ владѣльцевъ, пріобрѣтенныя покупкою или полученныя разными служащими лицами отъ правительства на чины; наконецъ, казенныя, оставшіяся свободными при различныхъ надѣлахъ. Купцы-арендаторы часто огуломъ захватываютъ въ свои руки всѣ эти земли. Отъ нихъ не ускользаютъ иногда даже и

крестьянскіе надѣлы, не смотря даже на то, что они малы, недостаточны. Что касается казачьей и калмыцкой земли, то богатые земельными надѣлами общества этихъ званій, не занимаясь въ большихъ размѣрахъ земледѣліемъ, такъ распоряжаются въ большинствѣ случаевъ своими земельными угодьями: они раздѣляютъ свой юртъ по полямъ и одною половиною владѣютъ сами, другую отдаютъ купцамъ, которые, какъ сказано, всячески стараются подготовить нищету и разореніе будущимъ потомкамъ теперешнихъ, еще довольно обеспеченныхъ, казачьихъ и калмыцкихъ семействъ. Но самая легкая и богатая добыча арендаторовъ—это чиновничьи участки. Хозяева этой категоріи совершенно не имѣютъ возможности ни отдать землю непосредственно крестьянамъ земледѣльцамъ, съ которыми, при полученіи аренды, нужно каждый разъ имѣть дѣло лично, ни самостоятельно хозяйничать, вслѣдствіе занятія службой или отсутствія знанія и матеріальныхъ средствъ. Участки эти, кромѣ того, еще отмежеваны по большей части такъ, что на нихъ нѣтъ никакой возможности завести какое-нибудь самостоятельное хозяйство. Они давались сначала въ срочное пользованіе и на чины: оберъ-офицеру—200 десятинъ, штабъ-офицеру—400 и генералу—1600. Межевыя управы обязаны были пріурочивать каждый участокъ къ водѣ, чтобы придать ему большую цѣнность. Поэтому онѣ и нарѣзали землю лентами, чтобы въ серединѣ или концѣ каждаго участка непременно приходилась водная балка или рѣчка. Такъ потомственные земельныя дачи и вышли самой уродливой и неудобной для хозяина формы, нерѣдко въ 100 сажень шириною и на 7—8 верстъ въ длину. Для довершенія бѣды, большинство рѣчекъ и балокъ, бывшихъ прежде многоводными, теперь уже окон-

чательно пересохли. Такимъ образомъ, чиновничьи участки и чудовищно растянуты, и безводны. Владѣльцы охотно сдаютъ ихъ въ аренду или продаютъ за безцѣнокъ. Если арендовать или купить два, три такихъ участка и завести тамъ хозяйство, то владѣльцы сосѣднихъ участковъ той-же группы волей-неволей должны будутъ уступить вамъ и свои земли за цѣну, какую заблагоразсудите назначить. Въ противномъ же случаѣ онѣ будутъ пустовать за невозможностью владѣть ими. И идутъ эти земли продажею въ вѣчную собственность по 10 руб. за десятину и дешевле, и притомъ съ разсрочкою платежей на 5, 10 лѣтъ, т. е. иначе—отдаются, можно сказать, прямо даромъ, такъ какъ въ такой значительный промежутокъ времени земля сторицею можетъ покрыть расходъ на ея покупку.

Такова картина землевладѣнія и земледѣлія въ описываемой нами полосѣ Россіи. А между тѣмъ—край обширный, благодатный. Лучшие мѣстные люди давно уже поняли, къ какому бѣдствію ведетъ такой порядокъ вещей, съ тревогой и душевною болью смотрятъ впередъ и дѣлаютъ усилія, чтобы побѣдить зло. Съ одной стороны пишутся оффиціальныя распоряженія, создаются правила объ отдачѣ земель въ аренду *), составляются

*) Такъ, напр., на Дону въ послѣдніе годы установлено: при торгахъ на казенныя войсковыя земли отдавать ихъ мѣстнымъ крестьянамъ безъ торговъ, если они надбавятъ аренды 10% противъ той цѣны, по какой земли ходили въ арендѣ до этого. Земли сдаются небольшими участками (большіе раздѣляются на нѣсколько частей, чтобы при торгахъ они могли попадать и людямъ не богатымъ), притомъ на большіе сроки: на 6, 12 лѣтъ. Арендаторъ, взявшій землю на 12 лѣтъ, можетъ пахать только половину ея, а другую половину оставить нетронутою; въ другія же 12 лѣтъ онъ можетъ распахать вторую половину участка, а первой обязанъ возвращать плодородіе попасомъ скота.

трактаты, публикуются числовые данныя о ходѣ хозяйственныхъ дѣлъ въ краѣ; съ другой—выступаютъ энергичные люди, чтобы отстоять землю, это лучшее изъ государственныхъ достояній, отъ хищнической, даже разбойнической эксплуатаціи ея пришлыми людьми. Эти борцы-практики, съ сильными, мозолистыми руками и запахомъ пота, съ почернѣлыми отъ загара лицами, суровые, мрачно-молчаливые, идутъ на-проломъ. Они крѣпко полюбили землю, лелѣютъ, берегутъ ее, сажаютъ въ ней сады и рощи и навсегда связали съ нею свою судьбу. Упорно идутъ они противъ враговъ земли. По глухимъ степямъ въ послѣдніе годы, какъ батареи противъ налетнаго купеческаго и горожанскаго арендаторства, выдвигаются зеленѣющія и цвѣтущія фермы, хутора и кашары, принадлежащія землевладѣльцамъ-собственникамъ. Но, безъ сомнѣнія, пройдетъ еще много лѣтъ, пока населеніе этого края, сдавленное теперь почти до потери сознанія, въ состояніи будетъ подняться, опереться и начать хозяйничать по примѣру народившихся уже хуторовъ.

Все благополучіе этого края въ хозяйственномъ отношеніи зависитъ отъ небольшихъ и хорошо устроенныхъ хозяйствъ. Но изъ людей-практикантовъ, покупающихъ теперь землю и поселяющихся на ней, легко могутъ выдти крупные землевладѣльцы (чѣму есть уже примѣры), которые будутъ богатѣть во вредъ другимъ и своими хозяйственными операціями препятствовать развитію мелкаго землевладѣльческаго и земледѣльческаго быта. Хотя богатство этихъ крупныхъ землевладѣльцевъ будетъ достояніемъ края, такъ какъ они—мѣстные жители, крѣпко сидящіе на землѣ, но, тѣмъ не менѣе, явленіе это здѣсь не желательно, не нормально, безусловно вредно съ точки зрѣнія наибъ производительнѣй-